

ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ: СМЕНА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Смена методологической парадигмы в достоевсковедении 1990 годов – явление показательное для всего отечественного литературоведения последнего десятилетия. В предшествующие 30 лет, с конца 1950-х до конца 1980-х гг. исследование творчества Ф. М. Достоевского осуществлялось наиболее успешно в двух направлениях: этико-психологическом и мифопоэтическом. В 1990-е годы, если судить по названиям сборников научных трудов, прежде всего по регулярному изданию «Достоевский и мировая культура» под редакцией К. А. Степаняна, возобладал подход культурологический. Вместе с тем эта культурология оказалась одноплановой и весьма целеустремленной: не мировое культурное пространство, «захваченное» творчеством Достоевского, привлекает его исследователей, а исключительно национально-религиозные корни писателя. К каким бы темам ни обращались авторы этих и других «достоевских сборников», издававшихся в 90-е годы в Петрозаводске, Екатеринбурге, Челябинске, Калининграде и прежде всего в Пушкинском Доме (ИРЛИ) – направляющим вектором статей оказывается религиозный, по преимуществу православный, контекст творчества Достоевского.

Научные изыскания в религиозно-философском ключе не адекватны богословскому, церковному осмыслению творчества писателя. Ученые различают «язык церкви» и «язык культуры», в том числе и религиозно-философской, и утверждают неизбежность их драматической встречи в культуре Нового времени, а стало быть, и в культурном контексте художественных произведений Достоевского. Новое достоевсковедение, поначалу путавшее свой предмет с богословским, со временем все точнее определяет специфику своего подхода к религиозным истокам и проблемам Достоевского и отличие этого подхода от того, который разрабатывался русскими мыслителями конца XIX – начала XX веков. Сегодня приближение к Достоевскому с позиций православия – это прежде всего изучение эстетики и поэтики его художественных произведений, несущих в себе христианский смысл. В свете такого анализа по-новому открываются важнейшие свойства творческого сознания писателя: его гуманизм, психологизм, универсализм, полифонизм, трагизм и др. Через Достоевского по-новому высвечиваются некоторые общие явления русской художественной классики, например, свойственная ей эстетико-нормативная установка на выражение идеи религиозного преображения мира, получившая даже особое определение – «принцип софийности в литературе». Религиозный подход выявляет не осознанный или еще не вполне осознанный нами позитивный потенциал русской

классики XIX века, причем такой, какой чрезвычайно важен для нашего современника – постоянную ориентацию ее на возрождение личности. (Заметим, кстати, что человек, воспринимающий Достоевского в свете православного сознания, не может не согласиться с парадоксальным для многих определением, данным ему Оскаром фон Шюльце – «светлый, жизнерадостный Достоевский».)

Сегодняшнее обращение специалистов к христианству Достоевского продиктовано не только и не столько профессиональными задачами, сколько потребностью обрести утраченный смысл Бытия, имеющий не сиюминутное и даже не эпохальное значение, и вместе с тем новую национальную идею, способную объединить Россию. Эта тенденция направлена против идеи деконструкции мира, против постмодернистского плюрализма, утверждающего равноценное сосуществование любых идей и систем. Примечательно, что сами отечественные постмодернисты видят в русской художественной классике единственную спасительную святыню. Достоевсковеды пытаются постичь на материале сочинений Достоевского наши генетические залежи и, стало быть, исторические перспективы нашей национальной истории, нашей особой судьбы. Нынешняя тропа к анализу психологии героев Достоевского идет через онтологию – через понимание Достоевским характера связи русского человека с Богом. «Чистый» этико-психологический подход к трактовке нравственно-душевных коллизий Достоевского, без опоры на его религиозную онтологию, представляется поверхностным, не способным раскрыть «глубины души человеческой». Почти все частные психологические драмы героев Достоевского возводятся в ранг онтологических трагедий, в которых личные судьбы становятся выражением сокровенных первооснов бытия.

Религиозная вера Достоевского рассматривается как выражение национального идеала, всегда подспудно жившего в народе. В сознании народа отложились не только церковные, но и еретические представления о Христе, нашедшие выражение в его устном народном творчестве, в частности, в духовных стихах.¹ Религиозная ересь народа не бескультурие, а проявление особой духовной культуры, волновавшей писателя и преломившейся в его сочинениях. Ныне проблема народности Достоевского ставится в прямую связь с мерой его еретичности. Религиозная раздвоенность писателя трактуется не просто как сомнение в вере, но как отражение противоречий в религиозном сознании самого народа. Кстати, в религиозности русской литературы, на наш взгляд, неизбежно присутствует элемент еретический; уже в самой установке на сближение сакрального текста и светского, в наложении художественного текста на сакральный, в прикладном использовании последнего.

В истолковании страниц Достоевского в свете еретических источников обнаруживаются некоторые, существенные, на мой взгляд, издержки современного достоевсковедения. Это прежде всего попытки закрепить

значение отдельных мотивов, образов и сцен (иногда очень важных) за частной формой ереси, локализовать их, обкорнать их обобщающий смысл. Совершая такую операцию, ученые нередко ополчаются на Достоевского за недостаточную чистоту его православных воззрений. В последнее время это особенно сказалось на изучении романа «Идиот». Модным стало говорить о неудачах писателя в этом романе, о том, что Мышкин весьма далек от православного идеала князя-Христа, что в нем воплотилась либо скопческая, либо гностическая ересь.

Другая издержка состоит в чрезмерной символизации и мифологизации отдельных мотивов и сцен, которые оборачиваются весьма произвольным их толкованием. Укажем хотя бы на попытку Т.А. Касаткиной² усмотреть в сомнениях Мышкина, мучающегося от подозрений, что Рогожин может его убить, подчинение «светлой натуры» героя «демоническим стихиям, вышедшим из мрака его личности», которые ведут к деградации князя, фигурально выразившейся в его падении по ступеням в момент припадка. Концепция эта строится лишь на возникающем во внутренней речи героя слове «демон» («демон прогнан», «странный и ужасный демон привязался к нему окончательно» и т.п.) – а слово это появилось у него после появления «внезапной идеи», то есть осознанной мысли о покушении. Но эта внезапная идея воспринимается самим Мышкиным как наваждение, чуждое его натуре, как последовательный альтруист и истинный христианин, он жаждет освободиться от этого искушения – до конца, до предела, до того, что даже когда он видит занесенный на него нож, кричит: «Парфен, не верю!» Припадок, случившийся с ним в этот момент, – вовсе не знак падения, а, наоборот, знак правоты его абсурдного поведения, так как в этот момент он испытывает состояние «полной, ясной, гармонической радости и надежды». Осмысление в этом контексте лексемы «демон» не как мифического существа, а как метафоры недопустимого, хотя и естественного чувства в большей мере адекватно мысли данного раздела (часть II, V) да и всего романа. В данном случае (и, на наш взгляд, в ряде других) этико-психологический подход лучше раскрывает глобальную идею романа, чем «тонкие» мифологические изыски.

Допустимо ли вообще сводить всю онтологию Достоевского к православной концепции мироустройства? Православие – доминанта мировоззрения и творчества Достоевского, но не покрывает его целиком.

Возможно восприятие его творчества и в параметрах иной религиозной культуры, конфессиональной традиции. Например, профессор Токийского университета Кэйноскэ Накамура в книге «Чувство жизни и смерть у Достоевского» рассматривает его сочинения в аспекте, существенно для японского менталитета и синтеизма – религии, в основе которой лежит культ общественной природы и предков. Вместе с тем ученый сознает, что поставленная им проблема может быть рассмотрена в ином ключе, что для читателя, привыкшего смотреть на Достоевского с позиций

философской мысли или богословия, ее можно было бы сформулировать так: «Проблема бытия Божия у Достоевского»

Представляется оправданным и анализ дискурсов сознания в творчестве Достоевского в свете крупнейших философских открытий уходящего века, в частности, в свете феноменологии – на наш взгляд, это возможное перспективное направление будущего достоевсковедения, которое сможет отойти от односторонности современной исследовательской парадигмы.

Примечания

1. Федотов Г. Русская народная вера по духовным стихам. М. 1991.
2. Касаткина Т. Лебедев – хозяин князя // Достоевский и мировая культура. Альманах № 13 Спб., 1999. С. 57–61

© Л.П. Щенникова
Екатеринбург

СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТИВНОСТИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1880-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1890-Х ГОДОВ

Недооценка русской поэзии 1880-х – 1890-х годов во многом объясняется неверным восприятием и толкованием ее субъективного характера. Некоторые современные исследователи, вслед за народнической и символистской критикой, видят ее слабость в отсутствии «устойчивого культурного типа миропонимания», «во множестве разных, меж собой не сообщающихся миров» (С. Сапожков). Другие, рассматривая эту позицию как преддверие к первому, бальмонтовско-брюсовскому периоду русского символизма, находят в ней декадентскую «порчу» духовного, явление «дьявольской эстетизации религиозно-мифологического» (А. Ханзен-Леве). В той и другой тенденции проявились сомнения в позитивном характере рефлексии поэтов-восьмидесятников.

Последняя четверть XIX века была эпохой мощной рефлексии и мощного поиска, в котором значительное место заняли религиозно-философские искания, определившие, на наш взгляд, содержательную доминанту поэзии 1880-х – первой половины 1890-х годов. Уже с начала 1880-х поэзия осознает себя «рубежной», предвещающей поворот к новому веку в истории страны и ее искусства, и потому пытающейся осмыслить многоуровневое культурное наследие, оставленное предшественниками и современниками «всех времен и народов». Собственно же глобальной проблемой, объединяющей поэтическую рефлексию и художественные миры всех поэтов так называемой «эпохи безвременья», является острое, жгучее переживание экзистенциальной ситуации: человек последних десятилетий века, когда сознание того, что «Бог умер» (Фр. Ницше), впервые становится массовым «достоянием» русской интеллигенции, понимающей невозможность верить по-старому и невозможность жить без религиозной веры: